

Засекин С.В.

Социопсихолингвистические универсалии художественного перевода: корпусный подходЗасекин Сергей Васильевич, кандидат филологических наук, доцент
Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки, г. Луцк, Украина

Received October 1, 2013; Accepted October 28, 2013

Аннотация. Статья посвящена изучению социопсихолингвистических универсалий художественного перевода, в частности влиянию фактора пола языкового посредника на используемые им в целевом тексте приоритетные стратегии. Универсалии в работе рассматриваются как психолингвистически обусловленные выраженные лингвально в целевом тексте общие для большинства переводчиков и в основном бессознательные переводческие операции. Эмпирическим материалом исследования послужили тексты англоязычной художественной прозы и их украинские переводы в исполнении мужчин и женщин. Кроме того, для более глубокого изучения переводческих универсалий привлечены также подкорпус художественной прозы электронного Корпуса текстов украинского языка и украинский переводной корпус англоязычной художественной прозы. Используемый в работе психолингвистический подход к анализу корпусов позволил установить некоторые закономерности выбора разнополюми языковыми посредниками тех или иных языковых структур, что дает основания согласиться с другими исследователями в вопросе существования значимых различий в гендерных приоритетах структурирования переводного дискурса. Среди наиболее заметных “женских” универсалий в переводе на украинский – метакогнитивная гибкость; применение стратегии статусной нейтрализации в диалоге между персонажами при воспроизведении статусно-маркированных и диффузных ситуаций; высшие показатели лексического разнообразия, эксплицитации и номинализации, чем в целевых версиях переводчиков-мужчин. Последние проявляют большую осторожность в переводе, прибегая к семантическому способу перевода, а также демонстрируют универсальную стратегию негативной вежливости при воспроизведении диалогов персонажей в статусно-маркированных и статусно-диффузных коммуникативных ситуациях.

Ключевые слова: художественный перевод, переводческая универсалия, переводчик, переводчица, стратегия, переводной корпус.

Введение. Переводческие универсалии в последнее время являются объектом пристального внимания со стороны исследователей в области корпусной и контрастной лингвистики, а также переводоведения [8; 12; 13; 16]. Настоящая работа является продолжением нашего психолингвистического исследования переводческих универсалий, но уже с приставкой “социо-”, поскольку речь будет идти о половой асимметрии в художественном переводе. Естественно, гендерная проблема перевода не нова и уже освещалась как в зарубежном [4; 15], так и в отечественном языкознании и переводоведении [5]. Наблюдение особенностей перевода в плане выбора разнополюми языковыми посредниками тех или иных языковых структур дает основания соглашаться с исследователями о существовании значимых различий в гендерных приоритетах структурирования переводного дискурса.

Главным критерием лингвистического определения универсалии в переводе, которому мы следуем, является произвольный, неконтролируемый сознанием переводчика характер процесс выбора той или иной лексической единицы или синтаксической конструкции [18]. Эта идея хорошо согласуется с коннекционистским компонентом сконструированной нами ранее психолингвистической модели художественного перевода [2]. Поскольку переводческие универсалии определяет мозг человека, им присущ психолингвистический статус.

Методы и компьютерный инструментарий. Корпусный подход в работе обеспечил эмпирическую базу для психолингвистического анализа гендерных универсалий художественного перевода, материалом для которого послужили тексты оригинальных произведений, их украинские переводы, организованные в электронный проиндексированный Украинский корпус переводных текстов (УКПТ) англоязычной художественной прозы объемом 6 млн. 30 тыс. словоупотреблений. Корпус был создан ранее для решения за-

дач нашей широкой темы исследования психолингвистических универсалий англо-украинского художественного перевода. В дополнение к этому использовались и данные подкорпуса художественной прозы из электронного Корпуса текстов украинского языка (КТУМ) (объемом 13 млн. 956 тыс. словоупотреблений), разработанного под руководством доцента Н. П. Дарчук в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко [9].

Поскольку в работе избран психолингвистический подход, применялись методы контент-анализа, психолингвистического анализа текста. Среди компьютерных программ избраны программы статистической обработки лингвистических данных Textanz 2.3, а также программы сбора и индексирования корпусов Teleport Pro и DtSearch.

Результаты и их обсуждение. Анализ параллельного корпуса показывает, что переводчицы ведут себя более «непринужденно», чем переводчики при воспроизведении оригинала. Для первых первостепенную роль играет не столько языковая единица исходного текста, сколько контекст, в котором она встретилась. Так, в зависимости от языкового окружения и экстралингвального контекста переводчица, пытаясь точно воспроизвести ситуационный вариант, применяет лексическую трансформацию или конкретизации, или генерализации значения. В то же время мужчина-переводчик ведет себя более стесненно, подвергаясь “давлению” текста оригинала. Сопоставим примеры женского переводного дискурса из нашего переводного корпуса, которому предшествуют оригинал и две мужские версии. Для этого приведем отрывок из рассказа Рэя Брэдбери «Улыбка» (“The Smile”):

[1] *‘Do I remember that, Tom? Do I remember? Why, I got smash the front window, you hear? My*

God, it made a lovely sound! [2]

[1a] – *Ти пам’ятаєш, чи пам’ятаю я про це, Томе? Авжеж. Ще й як пам’ятаю! Мені випало*

розбити **переднє скло**. *Ти чуєш? Скло! Боже мій! Який чарівний був звук!* [5]

[16] – *Чи пам'ятаю я, Томе? Чи пам'ятаю? Та ж я розбив переднє скло – скло, чуєш? Господи,*

звук який був, розкіш! [4]

[1в]- *Чи я пам'ятаю це. Томе? Чи пам'ятаю? Це ж я побив лобове скло - скло, чуєш? Господи, який був розкішний звук!* [3].

Переводчица (Лада Коломиец) точнее, чем мужчины, именуется предметы – реалии в целевом языке, переведя *front window* как *лобове скло* (рус. *лобовое стекло*) [1в]. Зато мужчины Андрей Евса [1а] и Ярослав Веприяк [16] поддаются воздействию языка отправителя и не конкретизируют, оставляя оригинальное словосочетание без изменений: *переднее стекло*. Отметим, что и русский переводчик этого произведения Лев Жданов проявил “мужскую солидарность” со своими украинскими коллегами, переведя так же это словосочетание (“переднее стекло”) [1].

Отметим, что в УКПТ это словосочетание зафиксировано, кроме вышеупомянутых двух примеров, еще четырежды и исключительно в переводах мужчин. Однако в этом же корпусе “лобове скло” и “вітрове скло” зафиксированы 6 раз в женском переводном корпусе, вдвое реже - в мужском.

Сопоставив эти данные с данными подкорпуса художественной прозы КТУМ, отметим, что сочетание “переднє скло” лишь в малой степени свойственно для носителей украинского: только 5 случаев (причем в двух из них автор имел в виду переднее боковое стекло) в произведениях писателей-мужчин, в то время как “лобове” и “вітрове скло” – всего 33 случая (22 и 11, соответственно). Очевидно, согласно частотным нормам украинского языка, эти варианты и будут более приемлемы для украинского читателя перевода. Заметим, что эти два словосочетания, в отличие от предложенной переводчиками выше, быстрее распознаются в поисковой системе Google как принадлежащие именно к автомобильной тематике.

Таблица 1

Индексы лексического разнообразия в целевых текстах разнополюх переводчиков

Автор и название произведения	Кол-во печ. знаков	Индекс лексического разнообразия в украинских переводах	
		Женщины	Мужчины
R. Bradbury <i>The Smile</i>	7969	0,584	0,560 (А. Евса) 0,577 (Я. Веприяк)
J. R. R. Tolkien <i>The Hobbit</i>	411900	0,211	0,209
D. Brown <i>The Da Vinci Code (chapters 1-3; 38-42; 71-74)</i>	78356	0,391	0,378
J. R. R. Tolkien <i>The Old Forest (from The Lord of the Rings 1)</i>	28200	0,493	0,474

Для определения и сравнения показателей лексической плотности целевых версий, мы проанализировали тексты украинского перевода общим объемом более 520 тыс. знаков на основе компьютерной программы Textanz. Как показывают данные таблицы 1, обобщающие показатели лексического выбора в проанализированных нами переводах мужчин и женщин, еще одной универсалией является высшая степень

лексического разнообразия в переводных версиях слабого пола.

Как видим, переводчицы имеют высший индекс вербальной креативности, что проявляется в большем лексическом разнообразии во всем корпусе сопоставляемых с мужскими версиями переводов. Истоки этой универсалии следует искать в нейролингвистической половой асимметрии – в ранней латерализации функций полушарий головного мозга у девочек, благодаря чему у них лучше, чем у мальчиков, в онтогенезе развито речевое левое полушарие, о чем свидетельствуют данные польского психолингвиста Я. Арабски [7].

Наряду с этим переводчицы демонстрируют такую “метакогнитивную” универсалию [Засекін 2012], как гибкость. Ее суть можно свести к высшей чем у мужчин степени изобретательности в воспроизведении оригинальных единиц, например:

[2] *His irises were pink with dark red pupils.* [6]

[2а] *Райдужні оболонки очей були в нього рожеві, з темно-червоними зіницями.* [8]

[2б] *Очі в нього були рожеві із бордовими зіницями.* [7]

У Виктора Шовкуна [2а] все воспроизведено предельно точно. Так, в оригинале “irises”, в его переводе – “райдужні оболонки”, в оригинале “dark red”, в целевом тексте “темно-червоними”.

А вот у Анжелы Камянец [2б], на первый взгляд, представлена, искаженная информация. Проследим: в оригинале те же “irises”, а в переводе это почему-то “очі”. Имеем трансформацию генерализации с элементами смыслового развития. Более того, леда ведет себя очень дерзко, переведя “dark red” как “бордовими”. Ведь для “бордового” цвета в английском языке есть, как минимум, три слова: *wine* или *deep red*, *bordeaux*.

С одной стороны, корни такого выбора скрыты, вероятно, опять-таки в высшей вербальной креативности женщин, чье левое полушарие которых лучше мужского дифференцирует названия оттенков цветов. Все же позволим согласиться, что последний перевод удачнее «звучит»: в полумраке (ситуация общения персонажей) вряд-ли кто-то будет различать радужки глаз и темно-красный цвет. С другой стороны, автор (мужчина) употребил именно эти единицы, а мог бы просто “eyes” и “bordeaux”. Поэтому упрекнуть переводчиков тоже не в чем: очевидно, мужчины строже придерживаются субординации автор-переводчик, отводя себе скромную роль “солдата” перевода. Женщинам такая стратегия не характерна.

Здесь возможна связь и с нейрофизиологическим феноменом лучшей ориентировки мужчин в пространстве, что вызывает излишнюю детализацию ими визуальных данных. Для женщин характерно доминирование аудиальных и кинестетических модальностей восприятия как ведущих в обработке ими окружающей информации [1]. Пример перевода [3в], в сравнении с [3а] и [3б], иллюстрирует в высшей степени и более утонченную передачу женщиной заложенной в исходной метафоре “sailed” тактильной информации.

[3] *...and the moon sailed up and then down the cold sky towards morning.* [2]

[3а] ...і місяць **плив** у холоднім небі спочатку вгору, потім униз, назустріч ранку. [5]

[3б] ...і тільки місяць, спершу піднімаючись, а потім, уже над ранок, опускаючись, **плив** у холодному небі. [4]

[3в] ...а місяць **вслухав** собі у холодному небі спершу догори, потім донизу назустріч ранку. [3]

Итак, подчеркнем еще раз: гибкость как метакогнитивная переводческая универсалия женщин-переводчиков состоит в отказе соблюдения единой стратегии, например, генерализации или конкретизации. Вместо этого имеет место глобальное видение ситуации, т.е. склонность к синтетическому “когнитивному стилю” [2; 6] обработки информации. Мужчины же стараются придерживаться семантического, в терминах П. Ньюмарка [17], способа перевода, демонстрируя аналитический когнитивный стиль. Он обуславливает учитывание деталей, точное местоположение действующих лиц в пространстве и т.д.

В этой связи необходимо упомянуть еще одну зафиксированную в корпусе социопсихолингвистическую переводческую универсалию – “эксплицитацию” [13; 19]. Ее переводоведы определяют в контексте “асимметричной гипотезы” как ингерентную переводу стратегию излишней детализации в целевом тексте информации “вне зависимости от различий в языковых и текстуальных системах” [10]. Приведем пример этой универсалии:

[4] *A voice spoke, chillingly close. 'Do not move.'*

On his hands and knees, the curator froze, turning his head slowly. [6]

[4а] *Але в цю мить пролунав моторошно близький голос:*

– *Не рухатись!*

Стоячи навкарачки, на руках і колінах, куратор завмер і повільно обернув голову. [8]

[4б] *Раптом він почув:*

– *Ані руш. – Голос прозвучав моторошно близько.*

Стоячи навкарачки, куратор завмер і лише повільно озирнувся. [7]

Единица навкарачки (рус. *на четвереньках*), согласно толкованию Словаря украинского языка [10, с. 100], уже предполагает находиться: “на долонях рук і на колінах” (“на ладонях рук и коленях”). Поэтому эксплицитация в переводе Виктора Шовкуна [4а] (“*на руках і колінах*”) видится нецелесообразной.

Однако эксплицитацией в переводе “не брезгают” и женщины:

[5] *Aringarosa had no choice but to accept the invitation, albeit reluctantly.* [6]

[5а] *Арінгароса не мав іншого вибору, як прийняття запрошення, що він і зробив, хоч і без особливого завзяття.* [7]

В целом, как свидетельствуют наши сопоставительные данные исследуемых корпусов, эксплицитация в качестве переводческой универсалии проявляется в переводах обоих полов в полтора раза чаще, чем того требует оригинал, с незначительным ее преобладанием у женщин. Безусловно, переводчики могут и сознательно прибегать к эксплицитации или стандартизации целевой версии. Но тогда проблема переходит в плоскость идиостиля переводчика, выходя за пределы проблемы универсалий, для которых харак-

терна определяемая на основании корпуса статистическая значимость.

Еще одной зафиксированной универсалией является тенденция к номинализации у женщин. Приведенный выше пример [5] (где переводчица воспроизводит *to accept* существительным), а также следующий пример иллюстрируют эту психолингвистическую закономерность:

[6] *The curator felt a surge of adrenaline. How could he possibly know this?* [6]

[6а] *Куратор відчув, як адреналін шугнув йому в голову. Звідки він знає?* [8]

[6б] *Куратор відчув приплив адреналіну. “Як він про це довідався?”* [7]

Следующей зафиксированной нами в эмпирическом материале универсалией является применяемая мужчинами стратегия негативной вежливости [11]. Она заключается в применении вежливой вы-формы обращения при воспроизведении диалога персонажей в “статусно-диффузных” или “статусно-маркированных”, в терминах В. И. Карасика [3], ситуациях. Лингвист, помимо этих двух, определяет еще один тип статусных отношений между собеседниками: статусно-нейтральный.

У переводчицы при воспроизведении англоязычного диалога первых двух типов женщин – это закономерность. Об этом свидетельствует анализ перевода трех разных произведений разных авторов и разных языковых посредников.

Приведем пример статусно маркированного диалога, переведенного мужчиной и женщиной:

[7] *‘Good morning!’ said Bilbo, and he meant it. <...> ‘What do you mean?’ he said. ‘Do you wish me a good morning, or mean that it is a good morning whether I want not?’* [11]

[7а] – *Доброго ранку! – перший привітався Більбо, і він справді сказав те, що думав. <...>*

– *Що ви цим хочете сказати? – запитав він нарешті. – Чи ви зичите мені доброго ранку, чи хочете сказати, що сьогодні добрий ранок, – байдуже, хочеться мені, щоб він був добрий, чи ні?* [12]

[7б] – *Добрий ранок! – привітався Більбо, не маючи на гадці нічого іншого. <...>*

– *Що ти маєш на увазі? – спитав він. – бажаси мені доброго ранку, чи гадаєш, що цей ранок добрий, незалежно від того, хочу я цього чи ні?* [13]

При воспроизведении вышеприведенного отрывка статусно маркированного диалога переводчик А. Мокровольский (пример [7а]) употребляет вежливую форму обращения уважаемого человека (Гэндальфа) к низшему по рангу и возрасту хоббита (Бильбо). Заметим, что на протяжении разговора персонажа переводчик в своем же дискурсе все-таки отказывается от своего первоначального решения. А переводчица (Олена О’Лир) (пример [7б]) с самого начала прибегает к приемлемому в данной ситуации воспроизведению обращения к Бильбо на “ты”.

Следующий пример иллюстрирует беседу персонажей уже в “статусно-диффузной” ситуации,

где разнополюсные переводчики опять-таки видят ее по-разному, что отразилось на их целевых версиях:

[8] 'You should not have run.' His accent was not easy to place. 'Now tell me where it is.'

'I told you already,' the curator stammered, kneeling defenseless on the floor of the gallery. 'I have no idea what you are talking about!' [6]

[8a] – *Не здумайте тікати.* – Його акцент було важко визначити. – *А тепер скажіть мені, де він.*

– *Я вже вам сказав, – занукаючись, пробелькотів куратор, безпорадно стинаючись навколiшки на підлозі галереї.* – *Я не знаю, чого вам від мене треба!* [8]

[8b] – *Тобі не слід було тікати.* – *Важко було зрозуміти, з яким акцентом він говорить.* – *А тепер кажи, де він.*

– *Я ж тобі вже сказав, – запинаячись, відповів куратор, цілком безпорадний.* – *Я не розумію, про що ти говориш!* [7]

Статусная неопределенность объясняется тем, что в разговоре участвуют старший по возрасту, но физически ослабленный (куратор) и в хорошей физической форме мужчина-альбинос. Первый старается убеждать от преследования последнего, хотя и безуспешно. Тут обе формы обращения были бы в переводе приемлемыми, поскольку социально-психологическая дистанция минимальна.

В третий раз замеченная тенденция проявилась во время анализа параллельного корпуса произведения Рэя Брэдбери "Улыбка". Как и прогнозировалось, переводчики Андрей Евса и Ярослав Веприняк выражают свою типичную "мужскую" линию поведения – стратегию сохранения негативной вежливости при воспроизведении разговора в статусно-диффузной ситуации. А переводчица Лада Коломиец придерживается противоположной – уже типичной для женщин стратегии перевода [3]. Таким образом, результаты

анализа изучаемого материала свидетельствуют об еще одной выявленной социолингвистической переводческой универсалии – тенденции перевода женщинами статусно-диффузной ситуации текста-источника в статусно-нейтральный режим в тексте перевода.

Выводы и перспективы исследования. Практическая ценность данного исследования состоит, на наш взгляд, в возможности использования его результатов в аспекте обучения студентов – будущих переводчиков основам художественного перевода. Кроме того, установление и таксономия переводческих универсалий, которые А. Берман достаточно радикально именуется как "деформирующие тенденции" [Berman 1990], поможет переводчику-новичку или редактору перевода (возможно, и зрелому переводчику) в выборе или отказе от выбора той или иной единицы как более или менее адекватной при переводе художественного текста. В этой связи привлечение двуязычных корпусов несомненно принесет только позитивные результаты.

Итоги данного исследования, безусловно, не являются исчерпывающими и не претендуют на всеобъемлющий характер. Возможно, параллельный корпус других пар языков подтвердит наличие других универсалий. Как отмечалось выше, проблема проявления гендера в переводе имеет тесную связь с другим феноменом, подробно проанализированным в трудах по психолингвистике восприятия [1, с. 158]. Речь идет о модальностных приоритетах женщин и мужчин. Наши предварительные данные свидетельствуют о том, что переводчицам характерно более точное воспроизведение слуховой и кинестетической (тактильной) информации в описании событий, а мужчинам – визуальной (пространственной). Но это – материал для дальнейших переводоведческих исследований с более глубоким анализом данных параллельных корпусов.

ЛИТЕРАТУРА

(REFERENCES TRANSLATED AND transliterated)

1. Бендас Т.В. Гендерная психология. – СПб.: Питер, 2007. – 431 с.
Bendas, T. Gendernaya Psikhologiya [Gender Psychology]. St. Petersburg: Piter, 2007. – 431 p.
2. Засєкін С.В. Психолінгвістичні універсалиї перекладу художнього тексту: монографія. – Луцьк: Волин. нац. ун-т ім. Лесі Українки, 2012. – 275 с.
Zasiekin, S.V. Psikholingvistychni Universalii Perekladu Khudozhnogo Tekstu [Psycholinguistic Universals in the Translation of Literary Text]. Lutsk: Lesia Ukrainka Volyn National University, 2012. – 275 p.
3. Карасик В.И. Социальный статус человека в лингвистическом аспекте // "Я", "Субъект", "Индивид" в парадигмах современного языкознания. – М.: ИЯ РАН, 1992. – С. 47-74.
Karasik, V.I. Sotsialnyi status cheloveka v lingvisticheskom aspekte [Human social status in linguistic aspect] // 'Ya', 'Subjekt', 'Individ' v Paradigmakh Sovremennogo Yazykoznanija [I, 'Subject', 'Individual' in the Paradigms of Modern Linguistics]. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 1992. – P. 47-74.
4. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. – М.: МТДК «Гнозис», 2003. – 160 с.
Sorokin, Yu.A. Perevodovedeniye: Status Perevodchika i Psikhogermenevtycheskiye Procedury [Translation Studies: Translator's Status and Psychohermeneutic Procedures]. Moscow: Gnozis, 2003. – 160 p.
5. Холод А.М. Речевые картины мира мужчин и женщин. – Днепропетровск: Пороги, 1997. – 229 с.
Kholod, A.M. Rechevye kartiny mira muzhchin i zhenshchyn [Speech world view of men and women]. Dnepropetrovsk: Porogi, 1997. – 229 p.
6. Холодная М.А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 304 с.
Kholodnaya M. A. Kognitivnye Stili: O Prirode Individualnogo Uma [Cognitive Styles: On the Nature of Individual Mind]. Moscow: PERSE, 2002. – 304 p.
7. Arabski, J. Psycholinguistic and neurobiological differences between males and females / J. Arabski // Proceedings of the 10th International Congress of the ISAPL. – Moscow: RUDN, 2013. – P. 423.
8. Baker, M. The role of corpora in investigating the linguistic behaviour of translators // International Journal of Corpus Linguistics. – 1999. – Vol. 4. – No 2. – P. 281-298.
9. Berman, A. La retraduction comme espace de traduction // Palimpsestes. – 1990. – Vol. 4. – P. 1-7.
10. Blum-Kulka, S. Shifts of cohesion and coherence in translation / J. House, S. Blum-Kulka (eds) // Interlingual and Intercultural Communication. Tübingen: Narr, 1986. – P. 17-35.

11. Brown, P., Levinson, S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
12. Chesterman, A. A causal model for Translation Studies // Intercultural Faultlines: Research Models in Translation Studies I: Textual and Cognitive Aspects: M. Olan, ed. Manchester: St. Jerome, 2000. – P. 15-27.
13. Denturck, K. Explication vs. implicitation: a bidirectional corpus-based analysis of causal connectives in french and dutch translations // Across Languages and Cultures. – 2012. – Vol. 13. – No 2. – P. 211-227.
14. Desmidt, I. (Re)translation revisited // Meta: Translators' Journal. – 2009. – Vol. 54. – No 4. – P. 669-683.
15. Leonardi, V. Gender and Ideology in Translation. Do Women and Men Translate Differently? A Contrastive Analysis from Italian Into English. Bern: Peter Lang AG, 2007. – 323 p.
16. Laviosa, S. Corpus-based Translation Studies. Theory, Finding, Applications. – Amsterdam ; Atlanta: Rodopi, 2002. – 154 p.
17. Newmark, P. Approaches to Translation. London: Prentice Hall, 1988. – 302 p.
18. Olohan, M. Leave it out! Using a comparable corpus to investigate aspects of explicitation in translation // Cadernos de Tradução. – 2002. – Vol. 9. – P. 153-169.
19. Vinay, J. & Darbelnet, J. Comparative Stylistics of French and English / translated by J. C. Sager and M. J. Hamel Amsterdam: John Benjamins, 1995. – 358 p.
20. Zasyekin, S. Translation as a psycholinguistic phenomenon // Journal of Psycholinguistic Research. – 2010. – Vol. 39. – No 3. – P. 225-234.

SOURCES

1. Bradbury, R. The Smile [Electronic Resource]. – Mode of Access: <http://raybradbury.ru/library/story/52/9/1/>
2. Bradbury, R. Fahrenheit. Short Stories. Moscow: Raduga Publishers, 1983. – 382 p.
3. Bradbury, R. Usmishka [The Smile] / translated by L. Kolomyiets // Vsesvitnia Literatura v Serednikh Navchalnykh Zakladakh Ukrainy. Kyiv: Pedahohichna Presa, 1999. – Vol. 3 (227). – P. 11-12.
4. Bradbury, R. Usmishka [The Smile] / translated by Yaroslav Vepryniak // Zarubizhna Literatura. 6th Form. Textbook. Ternopil': Navchal'na Knyha–Bohdan, 1999. – P. 296-300.
5. Bradbury, R. Usmishka [The Smile] / translated by Andrii Ievsa // Svitova Literatura. 6th Form. Textbook. Kharkiv: FOP Spivak V. L., 2011. – P. 374-381.
6. Brown, D. The Da Vinci Code. L.: Corgi Books, 2003. – 605 p.
7. Brown, D. Kod da Vinchi [The Da Vinci Code] / translated by A. Kamianets'. Kharkiv: Club Simeinoho Dozvillia, 2006. – 480 p.
8. Brown, D. Kod da Vinchi [The Da Vinci Code] / translated by V. Shovkun // Vsesvit. – 2006. – No 1-4, 11-12. Kyiv: Vsesvit Publishing House.
9. Korpus Tekstiv Ukrain'skoyi Movy [The Corpus of the Ukrainian Language] / [Electronic Resource]. – Mode of Access: <http://www.mova.info/corpus.aspx?11=209>
10. Slovnyk Ukrain'skoyi Movy [Dictionary of the Ukrainian Language] / I. K. Bilodid, ed. – Vol. 5. Kyiv: Naukova Dumka. – P. 36, 100.
11. Tolkien, J. R. R. The Hobbit, or, There and Back Again. L.: Unwin, 1981. – 285 p.
12. Tolkien, J. R. R. Hobit abo Mandrivka za Imlysti Hory [The Hobbit, or a Trip Beyond the Misty Mountains] / translated by Olexandr Mokrovols'kyi. Kyiv: Veselka, 1985. – 304 c.
13. Tolkien, J. R. R. Hobit abo Tudy i Zvidty [The Hobbit, or There and Back] / translated by Olena O'Lear. Lviv: Astroliabia, 2012. – 384 c.

Zasiek S.V. Socio-psycholinguistic universals in the translation of fiction: A corpus-based approach

Abstract. The present paper discusses the results of a study which applies psycholinguistic techniques over comparable corpora of translated and original texts of fiction seeking to establish whether gender translation universals hold. Therefore, the study is aimed at analyzing English prosaic texts of fiction and their Ukrainian versions produced by male and female translators. Translation universals are treated in the paper as translators' common and mainly unconscious statistically significant operations that are linguistically manifested in their target versions. The study is supplied by the data from the electronic Corpus of Ukrainian Texts and the Ukrainian Translational Corpus. Among the main findings of the research are women's better flexibility in the translation viewed as a metacognitive universal of their "global" thinking, i.e. a synthetic cognitive style. Next, female translators have shown higher indices of target text lexical density, explicitation and nominalization. By contrast, male translators tend to avoid nominalizations, are more accurate when reproducing certain source text units, thereby opting for a semantic method of translation. This universal strategy manifests their analytical cognitive style. While translating the status-asymmetrical conversations in the source text, where fictional characters perform socially marked or blurred roles, men aim at retaining negative politeness in their target language versions.

Keywords: translation of fiction, translation universal, male translator, female translator, translational corpus.